

Н. Н. Белова

О ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ У КЕЛЬТОВ В ГАЛЛИИ

Происхождение, сущность и роль государства представляют сложные теоретические проблемы. Только марксизм дал правильный научный ответ на вопрос, что такое государство и на какой основе оно появилось. «Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»¹. В зависимости от исторических условий возникающее государство принимает различные формы и на разных этапах своего развития играет разную роль.

В настоящей статье делается попытка проанализировать зарождение элементов государственности и государственных учреждений у кельтов на территории Трансальпинской Галлии.

Этот вопрос не получил правильного решения в буржуазной историографии. Например, известный французский исследователь Фюстель де Куланж, посвятивший отдельную главу своей монографии об общественном строе древней Франции изображению государственных порядков у кельтов², римский термин «цивитас», которым пользуется Цезарь для обозначения племени, трактует как государство. Таким образом он насчитывает в доримской Галлии свыше 90 самостоятельных государственных единиц с монархическим или республиканским строем³. Предпосылки и процесс формирования государства у галлов Фюстель де Куланж совсем не рассматривает.

В советской литературе интересующий нас вопрос не был еще предметом специальных исследований⁴.

«Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, наш основной источник, отражает картину значительной социальной дифференциации и борьбы в Галлии накануне и в период ее завоевания Римом. Примечательным является то, что Цезарь совершенно определенно говорит о расколе кельтского общества, организованного по племенам, на два противоположных лагеря: родовую знать, подразделяемую им на друидов и всадников, и простой народ, находившийся в большинстве своем в кабальной от нее зависимости: «Во всей Галлии существуют вообще только две категории людей, которые пользуются известным значением и почетом, так как плебс там держат почти на положении рабов: сам по себе он ни на что не отваживается и не допускается ни на какое

собрание. Очень многие, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, сами отдаются в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами»⁵. Здесь речь идет как о политическом бесправии, так и экономической несостоятельности плебса, а также о характере взаимоотношений его со знатью: кабальная от нее зависимость. Плебс противопоставляется Цезарем всадникам и друидам, т. е. знати. Таким образом, термин «плебс» имеет в данном случае собирательное значение и включает, за вычетом знати, все остальное население. Даже учитывая неточность Цезаря в характеристике кельтского быта, о чем свидетельствует употребляемая им римская терминология, не вызывает сомнения, что он дал в общем верную картину экономической несостоятельности и политического бесправия низших слоев, образующих «плебс». Они не были рабами, но вынуждены были отдавать себя под покровительство сильных. При этом вовсе не исключено, что какая-то часть «плебса» действительно опускалась до положения кабальных рабов. Дело в том, что наряду с другими терминами для обозначения зависимых людей Цезарь использует термин *servi* (V, 45; VI, 19; III, 30). Говоря о многочисленных *egentes, perditii, latrones*, т. е. людях, ничего не имеющих, несчастных, оторванных от основного средства существования, земли, и потому особенно склонных к участию в войне в надежде на военную добычу (VII, 4; III, 17; VIII, 30), Цезарь свидетельствует таким образом о глубоком социальном расслоении кельтов.

В противоположность «плебсу», закабаленному и бесправному, кельтская знать выступает, по наблюдениям Цезаря, экономически могущественной и политически всесильной. Цезарь называет целый ряд представителей знати, особенно отличившихся богатством и влиянием. Таковыми были, например, у гельветов Оргеториг (I, 2), эдуй — Думнориг и Дивитиак (I, 3), секванов — Кастик (там же), ремов — Иккий (II, 6) и т. д. В междоусобной борьбе за власть они опирались на вооруженные отряды преданных им лично людей и зависимых от них клиентов (I, 18; II, 1; VI, 15). Так, гельвет Оргеториг в критический момент борьбы с «сенатом» противопоставил ему 10 тысяч человек, составлявших его фамилию, и огромное количество клиентов и других зависимых лиц (I, 4). Эдуй Думнориг вооружил на собственный счет многочисленный отряд конницы (I, 18) и был весьма влиятелен не только у себя в общине, но и у соседних племен (там же). Арверн Верцингеториг составил из одних только своих клиентов целое войско (VII, 4). В общине кадурков Луктерий некогда имел под своим патронатом целый оппидум Укселлодун (VIII, 32). Вождь сотиатов Адриатунн имел собственную дружину из 600 человек, составленную из так называемых «преданных», или «солдуриев» (III, 22). Опираясь на эти силы, отдельные представители родовой знати противопоставляли часто свою волю действовавшим обычаям и совершали в общинах политические перевороты (I, 4, 9, 18). Именно о таких людях эдуй Лиск говорил Цезарю, что их личное влияние сильнее, чем авторитет самих властей (I, 17).

Обращает на себя внимание упорная борьба внутри общин между социальными группами. По словам Цезаря, в Галлии не только во

всех общинах и во всех их подразделениях, но чуть ли не в каждом доме существуют партии (VI, 11). При этом Цезарь подчеркивает диаметрально противоположность устремлений этих социальных групп, утверждая, что во всех общинах существуют две партии (там же). Противоречия в общине эдуч, например, были таковы, что они готовы были в любой момент вылиться в вооруженную борьбу: «разделился сенат, разделился народ... Если эта распря затянется, то дело кончится тем, что одна часть (населения общины. — Н. Б.) вступит в сражение с другой»⁶.

Социальные противоречия галлов в период их завоевания Римом отразились в политической борьбе между сторонниками и противниками Рима. Галльская аристократия неизменно поддерживала Цезаря, отдельные ее представители были верными его агентами среди своих соплеменников и послами к Цезарю от имени своих общин для мирных переговоров (I, 7, 13, 50; II, 6). Так, например, вождь аттребатов Комий в качестве верного союзника Цезаря оказал ему важные услуги в Британии, взамен чего Цезарь освободил его племя от всякой дани и подчинил ему моринов (VII, 76). В самом римском лагере оказался знатный нервий, Вертикон, который с самого начала военных действий перебежал к одному из римских полководцев, Цицерону, и «на деле доказал ему свою полную преданность» (V, 45). Знатный эдуч Эпоредориг донес Цезарю на арверна Литавикка, замышлявшего восстание против римлян (VII, 39). Его менее знатный соперник эдуч Виридомар за подобные же услуги был возведен Цезарем из низкого положения в высокое звание (там же). У треворов боровшиеся за господство Индутиомар и Кингеториг, в конце концов поспешили признать власть Цезаря. При этом последний, явившись в ставку Цезаря, поручился не только за себя, но и за всех других вождей (принцепсов) общины, что они сохраняют неизменную верность и дружбу по отношению к «римскому народу». Эти вожди, в свою очередь, поодиночке явившись к Цезарю, ходатайствовали каждый за себя лично. И тогда глава антиримской партии Индутиомар, испугавшись мести римлян, предал боровшихся за независимость соплеменников и через послов заверил Цезаря, что если тот позволит, то он явится к нему в лагерь и предоставит себя и народ в полное его распоряжение (V, 3). Неоднократно Цезарь подчеркивает дружественное расположение к Риму знатнейших эдуч, которые взамен получали от римского сената титул единокровных братьев римского народа (I, 33, 43). При помощи галльской аристократии, которую Цезарь не раз созывал из всех общин в свою ставку, он сумел удержать в повиновении, по его же словам, значительную часть Галлии (IV, 6; V, 5, 54; VIII, 22).

Напротив, широкие массы народа выступали неизменно с теми, кто возглавлял антиримскую войну. Во многих общинах они самым решительным образом расправлялись со знатью. По свидетельству Цезаря, аулерки, эбуровики, ликсовии, точно так же, как до них другие общины, перебили свой сенат за его нежелание согласиться на войну с римлянами (III, 17). Возглавлявшего антиримскую войну у белловаков Коррея Цезарь прямо называет *concitator multitudinis*, поджигателем черни

(VIII, 21) и обвиняет в том, что при нем сенат (совет старейшин.— Н. Б.) никогда не имел такой силы, какую имел невежественный плебс: «nunquam senatus tantum potuit, quantum imperita plebs» (VIII, 21). В глазах Цезаря широкие массы племенного населения, оказывавшие ему наиболее упорное сопротивление, это люди разорившиеся (*perditi*), разбойники (*latrones*), питавшие особую страсть к войне в надежде на добычу (III, 17; VIII, 30), невежественная чернь — *imperita plebs* — (VIII, 21), изгнанники из общин и даже рабы (VIII, 30).

Социальная дифференциация населения кельтских общин имела своей предпосылкой развитие у кельтов частного землевладения, торговли, ремесла и городов. Владения знати Цезарь называет *aedificia*⁷, и противопоставляет их городам (*оппида*) и селам (*вики*). О наличии частного землевладения у галлов в какой-то мере свидетельствует известное противопоставление Цезарем обычаев кельтов и германцев и подчеркивание им в связи с этим особых поземельных отношений у последних: «И никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности; но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников, где и сколько они найдут нужным, земли» (VI, 22)⁸. Из упоминаемых Цезарем многочисленных *оппида*, некоторые были не только укрепленными пунктами, но и торгово-ремесленными центрами⁹. Такие города возникали чаще всего вокруг ярмарочных мест¹⁰. В некоторых из них обосновались римско-италийские купцы, жестоко эксплуатировавшие местное население. Не случайно, что во время войны с римлянами широкие массы кельтов устремлялись в города и в первую очередь учиняли расправу с теми римскими гражданами, которые поселялись здесь с торговыми целями. Так было у эдуев в Кабиллоне (VII, 42) и Новиодуне (VII, 55), у карнутов в Кенабе (VII, 3) и других городах. Цицерон в речи за Фонтея (§ 11) говорил о Нарбоннской Галлии, что она заполнена римскими дельцами (*negotiatores*). О торгово-ремесленных занятиях самих галлов, помимо всего прочего, свидетельствует то обстоятельство, что во многих кельтских общинах особенно почитались божества Меркурий и Минерва. Первый считался изобретателем всех искусств, проводником в путешествиях, покровителем торговых дел. Минерва представлялась кельтам как богиня, обучающая людей различным ремеслам (VI, 17).

Развитие социально-экономических отношений, разумеется, не было одинаковым во всех общинах. В некоторых *оппида* на иноземных купцов смотрели с удивлением и любопытством, и через их рассказы старались узнать, что делается за пределами их земель (IV, 5). Особенно стойкие родоплеменные отношения сохранились в Белгике, наиболее отдаленной части Галлии от Провинции и Италии. Обменные отношения там были развиты слабо. Цезарь фиксирует это обстоятельство, говоря о том, что у белгов крайне редко бывают купцы (I, 1) и что беллоаки одно из бельгийских племен, даже сознательно не допускают их к себе, чтобы те иноземными обычаями, винами и прочими, непривычными для них вещами, не привели к ослаблению их физических и нравственных сил (II, 15).

Не была одинаковой и политическая организация различных племен. Цезарь со всей определенностью отмечает, что галлы отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами (I, 1). В то время как одни племена жили еще прежней родоплеменной организацией, у других осуществлялся переход к государственному строю.

У некоторых племен сохранялась еще царская власть¹¹. Характерно, что институт царской власти там, где он еще сохранялся или пытался удержаться, опирался на поддержку широких слоев населения, противостоявших родовой знати. Так, например, у белловаков, как уже говорилось, при царе Коррее сенат никогда не имел такой силы, какую имел «плебс» (VIII, 21). У гельветов Думнориг, пытавшийся овладеть царской властью, был очень популярен у низших слоев населения, именуемых Цезарем плебсом (I, 18). Когда Цезарь, вмешавшись во внутренние дела сенонов, назначил у них царем удобное ему лицо, Каварина, сеноны постановили всей общиной убить Каварина, но тот догадался об этих замыслах и бежал. Тогда сеноны лишили его царских полномочий (V, 54). Карнутский царь Тазгетий, получивший свой сан также от Цезаря, был убит у всех на глазах, «по наущению многих граждан общины» (V, 25). И наоборот, Верцингеториг, изгнанный из своей общины знатью, при поддержке народа был провозглашен царем арвернов (VII, 4).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что цари выбирались и смещались. В известной степени царь был подотчетен племени, избравшему его. Цезарь, передавая объяснение Амбиорига, царя эбуронов, по поводу его нападения на римский лагерь, отмечает зависимость действий царя от воли народа, который якобы имеет над царем такие же права, какие и царь над ним: *Ambiorix (locutus est... non) voluntate sua fecisse, sed coactu civitatis, suaque esse eius modi imperia, ut non minus haberet iuris in se multitudo, quam ipse in multitudinem* (V, 27). Верцингеториг, заподозренный теми, кто его выбрал в предпочтении быть царем с разрешения Цезаря, а не по милости соотечественников, должен был отчитаться в своих действиях перед собранием. В конце концов Верцингеториг заявил о готовности возвратить назад царскую власть, если они ему не доверяют и полагают, что скорее оказывают ему честь, чем ждут от него спасения Галлии (VII, 20). Будучи верховным военачальником галльских племен, Верцингеториг на следующий же день после поражения под Алезией созвал общегалльское собрание воинов и отдал себя на их суд (VII, 89).

На основе этих и подобных свидетельств Цезаря Фюстель де Куланж пришел к выводу о наличии в кельтских общинах с царской властью режима демократической монархии. «Здесь идет речь о таком порядке,— говорит он,— при котором низший класс, как верховный властелин, передает все свое могущество единому лицу по собственному выбору; причем он всегда может низвергнуть и сломить такого монарха по первому желанию, как только почувствует, что тот уклоняется от служения его интересам»¹². Соответственно, Верцингеторига и ему подобных племенных вождей, он называет демократическими монархами¹³. На деле же кельтский институт царской власти, связанный с на-

родовластием и родоплеменной организацией галльского населения, следует рассматривать как один из органов военной демократии. Свидетельства Цезаря позволяют заметить наличие у галлов двух органов власти, характеризующих военную демократию. Это народное собрание и совет старейшин, называемый Цезарем римским термином «сенат».

Так, Цезарь замечает, что о государственных делах у кельтов позволяется говорить только на народных собраниях: «*De republica nisi per concilium loqui conceditur*» (VI, 2). Критогнат, один из представителей арвернской родовой знати, выступавший за войну с римлянами, гневно бичевал в своей речи тех, кто думал о капитуляции, и предлагал не допускать таких на собрания (VII, 77). По постановлению народного собрания гельветы готовились к поголовному выселению из своей общины (I, 3). Выше приводилась ссылка царя эбурунов, Амбиорига, на народ, по принуждению которого он совершил нападение на римский лагерь, и его заявление о том, что народ имеет над ним, царем, такие же права, какие и он над народом (V, 27). Цезарь собирался покарать Думнорига самолично или судом соплеменников: «*...in eum aut ipse animadvertet, aut civitatem animadvertere iuberet*» (I, 19).

На упомянутые собрания сходились все взрослые мужчины, способные носить оружие, и в период военных действий становившиеся вооруженными воинами. Так, когда племенной вождь назначал вооруженную сходку, то по галльским обычаям, как замечает Цезарь, это было равносильно началу военных действий: на такие сходки обязаны были собираться все взрослые люди в полном вооружении (V, 56). Соответственно военному характеру подобных собраний, воины выражали свое мнение криком и стуком оружия (VII, 21). Примечательно, что и Страбон, писавший несколько позднее, чем Цезарь, изображает народные собрания кельтов в таком же духе. Они очень напоминают народные собрания древних греков гомеровской эпохи, периода разложения у них военной демократии: «...В старину они ежегодно выбирали одного предводителя: точно так же на время войны народ избирал одного полководца... Своеобразный обычай имеет место в их собраниях: если кто-нибудь шумит, прерывая оратора, то к нему подходит слуга с обнаженным мечом и угрожающе приказывает молчать; если же тот не унимается, то слуга второй и третий раз делает то же самое; наконец, он отрезает у нарушителя такой кусок плаща, что оставшаяся часть становится негодной»¹⁴.

Наличие совета старейшин, называемого Цезарем сенатом, засвидетельствовано почти у всех галльских племен¹⁵. Правда, роль его не одинаковая. Различно отношение сената и к завоевательным действиям Цезаря. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в общинах, где процесс разложения родоплеменных отношений и социальные противоречия были особенно глубоки, сенат, или совет старейшин, как правило, выступал пособником римской политики и союзником Цезаря. И наоборот, в общинах, наиболее отдаленных от Рима и Италии, с более прочными родоплеменными традициями, совет старейшин вместе со всем населением племени оказывал сопротивление Цезарю. Именно по этой причине Цезарь приказал, например, казнить весь сенат у венетов

(III, 16), не относящихся к числу наиболее передовых племен и отстоявших далеко от романизованной Провинции и Италии. В результате сопротивления Цезарю белгийского племени нервиев из 600 их сенаторов уцелело только трое (II, 28). Дивитиак, выступая перед Цезарем в защиту другого белгийского племени, белловаков, говорил, что те изменили эдуюм и пошли войной на римлян по наущению своих принцепсов, т. е. первейших по знатности и значению людей общины, являвшихся несомненно старейшинами в общине: «...impulsos ab suis principibus.» (II, 14). Но белловаки и нервии, как и венеты, относились к наиболее отсталым племенам. Уже говорилось об их сопротивлении проникновению к ним римско-италийских купцов. Эти факты тем более бросаются в глаза, что в большинстве случаев, как уже отмечалось, знать галльских общин держалась римской ориентации. Они свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в перечисленных случаях совет старейшин сохранял значение органа военной демократии.

С военной демократией, как политической организацией некоторых галльских общин следует связать и то обстоятельство, что подавляющая часть аристократического слоя галльских племен представляла собой военизированный элемент, или военную аристократию. Важнейшим источником ее обогащения, наряду с землевладением, были войны, а главной опорой — вооруженные дружины. Цезарь ярко и убедительно рисует картину постоянных межплеменных войн в Галлии, одним из результатов которых являлось установление клиентской зависимости одних племен от других¹⁶. По словам Цезаря, до его прихода племена почти ежегодно вели или наступательные или оборонительные войны (VI, 15). Не случайно и то, что Цезарь именует основную массу галльской аристократии «всадниками». Этот римский термин, генетически очень древний, первоначально выражал ту категорию лиц у плебеев, которая в период формирования римского государства была включена вместе с патрициями в первый имущественный разряд.

Из «Записок» Цезаря прослеживается и другое явление, весьма примечательное для характеристики общественного строя доримских галлов, — отсутствие постоянного войска. Вся масса народа составляла ополчение, самовооружающееся и обеспечивающее себя продовольствием. На одном из собраний галлов было постановлено, чтобы все воины вернулись в свои общины и вели войну оттуда, поскольку таким путем они могли пользоваться местными запасами провианта (II, 10; III, 6, 18).

Следовательно, можно сказать, что часть галльских племен накануне завоевания их Римом имела общественный строй в форме военной демократии, с характерной для нее родоплеменной организацией населения и органами управления, тесно связанными с управляемым населением. В случае войн одни племена объединялись против других, или общего врага, в военноплеменные союзы, высшим органом которых являлись верховный начальник (каковым был, например, во время войны галлов с Цезарем Верцингеториг) и межплеменные военные собрания¹⁷ или собрания межплеменных вождей¹⁸.

Однако, военная демократия, по всей вероятности, была характерна в своей классической форме только для сравнительно небольшой части

галльских племен. В остальных же случаях она находилась в стадии глубокого разложения и являлась исходным моментом в формировании элементов государственности и государственных учреждений.

Царская власть в большинстве описанных Цезарем случаев находится в острых противоречиях с могуществом родовой аристократии. Родовая знать добивается изгнания царей и утверждения собственной власти в лице совета старейшин, постепенно превращающегося в главный орган власти в общине. Так, арверны сначала убивают Кельтиллу за его стремление к царской власти (VII, 4), а затем по той же причине изгоняют его сына Верцингеторига (там же), и только при поддержке демократических слоев последний все-таки добивается царской власти, как уже отмечалось выше.

С другой стороны, сама царская власть имела тенденцию превратиться в наследственную. Например, в общине карнутов Цезарь вернул представителю знатного рода Тазгетию царскую власть, которой пользовались его предки, и тот царствовал уже третий год, когда вдруг был убит (V, 25). У сенонов Цезарь назначил царем Каварина, брат которого Моритагз, так же как и его предки, царствовал над ними ко времени прихода Цезаря (V, 54).

Эти примеры свидетельствуют о том, что царская власть порывала с демократическими принципами родоплеменной организации, а народо-властие, связанное с ней, в условиях военной демократии уступало место власти, стоящей над народом. Таковыми были цари, назначенные Цезарем, игравшие одновременно роль проводников римской политики в своих общинах. Не отличались от них по существу своей власти и те кельтские вожди и старейшины, которые добивались царской власти и в политической борьбе с сенатом опирались на военные дружины, составленные на собственные средства из лично им преданных людей. В условиях острой имущественной и социальной дифференциации, а также борьбы между политическими соперниками претенденты на царскую власть не испытывали недостатка в людях, послушных им во всем, о чем и свидетельствуют выше приводившиеся примеры.

Эти частные дружины галльской аристократии, стремившейся к власти, следует рассматривать как элемент формирующихся государственных учреждений у кельтов накануне завоевания их Римом.

Таким образом, институт царской власти у галлов накануне римского завоевания отражает не только следы военной демократии, но и начало государственности. Под старой формой скрывалось уже новое содержание. Именно в этом смысле следует понимать замечание Цезаря о том, что в Галлии «люди могущественные, а также имеющие средства для содержания наемников, большей частью стремились к захвату царской власти» (II, 1). Освященность традицией делало царскую власть достаточно прочной (не случайно претенденты на царскую власть старались опираться, как это было показано выше, на широкие массы племенного населения) и потому особенно желанной для самых могущественных представителей галльской родовой аристократии. Перешедшая быть выборной, насильственно или сверху утверждаемая, переходящая по наследству, царская власть превращалась таким образом в орган,

выражавший интересы высшей прослойки галльского общества, родовой знати. Борьбу родовой аристократии с претендентами на царскую власть следует рассматривать в этом случае как выражение противоречий внутри самой родовой аристократии, в зависимости от которой находилась значительная часть населения. О дифференциации родовой знати накануне римского завоевания свидетельствует подразделение ее Цезарем на духовную, в лице друидов, и светскую, а светской, в свою очередь, на нобилитет и всадничество. Знаменательно и то, что Цезарь при характеристике отдельных представителей галльской знати употребляет термины: *honestus* (V, 45), *illustris* (VI, 19; VII, 32), *nobilis* (I, 2, 7, 18; II, 6; VI, 13; VII, 67).

Важнейшим признаком формирования государственности у галлов следует считать могущество и власть родовой знати. Примеры могущества отдельных ее представителей уже приводились. Органами власти родовой аристократии накануне римского завоевания были «сенат», т.е. совет знати внутри общин, и общегалльские собрания племенных вождей, *concilium principum*. Характерно, что Цезарь употребляет термины «сенат», «знать», «всадники» в таком сочетании, что не остается сомнения в тождественности для него понятий «знать» и «сенат»: «...*omnem nobilitatem, omnem senatum, omnem equitatem amississe*» (I, 31). Тем самым он свидетельствует, что власть сената — это и есть власть знати. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что такие признаки знати как родовитость происхождения и могущество для Цезаря понятия слитные, и они отмечаются им одновременно, при характеристике того или иного из ее представителей: «*homini nobilissimo ac potentissimo*» (I, 18); «...*antiquissima familia natum, hominem summae potentiae*» (VII, 32). Уже говорилось о резком противопоставлении Цезарем всецельной и влиятельной знати рядовым массам соплеменников, «плебсу», находившемуся в большинстве своем в зависимости от знати (VI, 13). Знать выносила решения по разным вопросам (I, 4; V, 56). В руках высшей ее прослойки, друидов, была сосредоточена жреческая и судебная власть¹⁹.

Еще до римского завоевания для власти родовой аристократии был характерен принцип наследственности, который являлся одним из существеннейших элементов государственности. О наследственном характере власти родовой знати свидетельствуют, например, такие факты. После убийства племенного вождя Индутиомара треверы вручили верховную власть его родственникам (VI, 2). У эдуев высшую власть оспаривал у своего соперника Кот, человек, по словам Цезаря, очень древнего рода и также с очень большим влиянием и могущественной родней, брат которого Валетиак занимал ту же должность в предыдущем году (VII, 32). Запреты, имевшие место у эдуев относительно того, чтобы «два члена одной и той же фамилии при жизни их обоих не только не могут быть выбраны в качестве высшего должностного лица, но даже не имеют права совместно заседать в сенате» (VII, 33), свидетельствуют о далеко уже зашедшей практике наследования.

К этому следует прибавить, что даже в римскую эпоху, в условиях действия выборных одногодичных магистратур, нередко наблюдались

случаи, когда власть местной землевладельческой знати по существу была наследственной. Так, например, в надписи из Деобенского пага у воконтиев речь идет о подростке тринадцати лет, облеченном полномочиями префекта вигинтивиров, т. е. главы местного совета землевладельцев²⁰. У гельветов надпись посвящена юноше Марциану, исполнявшему среди односельчан должность эдила²¹. Юноше Гаю Аматию Патернину из рода местных землевладельцев посвящена надпись из Агиединка у сенонов, в которой он называется эдилом сельчан, эдилом общины сенонов, а также выступает облеченным еще и в другие должности²². У лемовиков, сохранявших peregrinus статус и в римское время, должность дуумвира последовательно, или одновременно, исполняли отец и сын: «[T] ib (erio) Taur (io) Tau[r (ii) Si]lvani (duo) vi[r (i)] f (ilio) Ta[uriano (duo)] (iro...)»²³. В надписи из Акв Секстиевых упоминается отец трех декурионов: «...pater trium decurionum» (CIL, XII, 522), Для Вьенны надпись засвидетельствовала двух братьев, исполнявших у аллоброгов должность квесторов (там же, XII, 5864). Эта практика наследственной власти отдельных представителей местной землевладельческой знати в галло-римских civitates представляется в римское время традицией, унаследованной от периода независимости Галлии. Одногодичность и выборность галло-римских магистратов из среды местной знати, соответственно с римской муниципальной конституцией, дополняется таким образом их наследственностью де факто.

Могущество родовой аристократии являлось мощным препятствием для утверждения наследственной царской власти отдельными ее представителями. Не был заинтересован в установлении централизованной власти в лице одного правителя, власть которого выходила бы за пределы племени, и Рим. Поэтому в большинстве галльских общин утверждалась аристократическая форма управления, при которой вся власть в общинах концентрировалась в руках бывшего совета старейшин. При этих условиях органы власти родовой аристократии — «сенат» и межплеменные собрания знати — превращались в удобное орудие господства римлян над галлами²⁴. Не случайно, что после римского завоевания под действием римского муниципального строя кельтский «сенат», совет родовой знати, превратился в совет декурионов, высший правительственный орган галло-римских civitates.

Важным элементом в формировании государственности у галлов было появление одногодичных должностных лиц. Цезарь их называет вергобретами или магистратами²⁵. Вергобреты считались верховными правителями в общинах, пользовались царской властью и имели над своими соплеменниками право жизни и смерти²⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что названные должностные лица появляются в общинах более передовых, в которых социальная борьба протекала особенно остро и где царская власть, выборная и подотчетная, уступила место власти родовой аристократии, например у эдуев. Характерно и то, что вергобреты, как особый институт должностных лиц, избиравшихся из среды знати, продолжал существовать некоторое время и после римского завоевания наряду с другими государственными учреждениями²⁷. Позднее же он эволюционировал под влиянием римского мун-

цинального строя в магистратуры с римским названием. Надписи позволяют проследить последовательное превращение вергобретов сначала в преторов, затем в преторов-дуумвиров или преторов-кваттвиров, просто дуумвиров или кваттвиров, наконец, только в дуумвиров²⁸.

Таким образом, вергобреты представляли собой уже подлинно публичную власть в руках родовой знати и ей подотчетную²⁹. «Учреждение селением... «является одной из отличительных черт государства, по сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией»³⁰. Тот факт, что кельтский институт вергобретов уподобился в конце концов римской магистратуре, объясняется прежде всего сходством их классовой природы: выражение интересов и воли землевладельческой аристократии. При этих обстоятельствах достаточно было внешнего влияния Рима, чтобы кельтская форма уступила место римской. В тех же общинах, где родоплеменные отношения оказались более стойкими, муниципализация имела, как известно, сравнительно слабый успех.

Возможно, что кроме вергобретов в доримской Галлии имелись и другие должностные лица³¹, но о них ничего неизвестно. Косвенным путем об этом свидетельствуют противопоставления Цезарем гражданской и военной власти (VI, 8), светской и духовной (VII, 33), характеристика вергобрета как высшего магистрата: «*summo magistratui*». (I, 16), наконец, употребление Цезарем слова «*magistratus*» во множественном числе по отношению к одной и той же общине: «*intermissis magistratibus*» (VII, 33; I, 17). О том же можно догадаться и по такому факту: в надписях римского времени прослеживаются магистратуры, которые встречаются только в Галлии, например «*triumviri locorum persequendorum*» и «*praefectus vigilum et armorum*»³². Возможно, что эти должности восходили к периоду кельтской независимости. Но если даже допустить римское время их происхождения³³, то все же остается несомненным главное, а именно — их социальная сущность. Как явствует из названий этих магистратур, одна из них была порождена необходимостью упорядочения и контроля за общественными землями. Такая необходимость могла возникнуть не раньше появления частного землевладения и создания общественного фонда земель. Контроль за общественными землями и их распределением должен был обеспечивать интересы, прежде всего, галльской знати, в долговой и клиентской зависимости от которой находилась большая часть соплеменников. Не случайно, что эта магистратура по своему характеру сильно напоминает институт римских цензоров, возникновение которого связано с процессом формирования римского государства. Вторая из названных галльских магистратур была призвана осуществлять надзор за общественным порядком и заведывание складом оружия, и по своему характеру напоминала римскую должность эдила. Она представляла собой, таким образом, часть той вооруженной силы, которую В. И. Ленин характеризует как состоящую не только из вооруженных людей, но и вещественных придатков всякого рода³⁴. Следовательно, это учреждение уже государственное и связано с заменой у галлов родоплеменной организации государственной. У доримских галлов можно было наблюдать только

элементы подобной организации вооруженной силы в лице дружин племенных вождей. То и другое в руках кельтской аристократии было средством обеспечения своего господства в общине. Не случайно названные галльские магистратуры сохранялись в римское время наряду с римскими муниципальными учреждениями: классовая их природа была такова, что через укрепление власти местной аристократии Рим утверждал одновременно и собственные позиции в провинциальных городах.

Одним из важнейших признаков государственной организации является налоговая система, так как «Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги»³⁵. Зачатки этой системы обнаруживаются у галлов уже накануне их завоевания. Цезарь среди других причин бедственного положения во всем бесправных и бессильных в своем большинстве низших слоев кельтского населения, обозначаемого им, как уже отмечалось, римским термином «плебс», называет непосильные налоги: «...plerique magnitudine tributorum premuntur...» (VI, 13). В другом месте Цезарь, характеризуя привилегированное положение друидов, отмечает, что они не платят податей наравне с другими: «Druides... neque tributa una cum reliquis pendunt.» (VI, 14). Наконец, Цезарь говорит о пошлинах и других общественных доходах эдуев — *portoria reliquaue Aeduorum vectigalia* (I, 18), которые отдавались на откуп отдельным представителям знати и служили для них источником обогащения. Именно за счет доходов этого рода, надо полагать, Думнориг, знатнейший эдуй, постоянно содержал на собственный счет и имел при себе большую конницу (там же). Военные дружины, как уже отмечалось, представляли собой элемент государственности в условиях разлагавшегося родового строя у наиболее передовых галльских племен, к которым и относились как раз эдуй. Принимая во внимание терминологию Цезаря для обозначения налогов у галлов — *portoria* и *vectigalia* — можно предположить, что, по крайней мере отдельные галльские племена знали уже дифференцированное налогообложение: прямые налоги — *tributa* — и косвенные — *portoria* и *vectigalia*. *Portoria*, например, собирали венеты: Цезарь говорит, что они сделали своими данниками всех плавающих по морю вдоль их берега (III, 8).

Таким образом, у некоторых галльских племен перед римским завоеванием имел место процесс образования государства. В этом процессе утверждалась власть знати в лице коллегиального ее органа «сената», или совета родовой аристократии. Попытки установления наследственной царской власти в конечном счете успеха не имели, они неизменно разбивались о стойкое сопротивление галльской знати и Рима, не заинтересованного в централизованной форме правления и потому поддерживавшего аристократический режим.

Римское завоевание послужило толчком для окончательной замены у кельтов родоплеменной организации государственной. Прекращение в связи с установлением римского господства межплеменных войн и организации галлов в провинцию с твердыми территориальными границами для каждого племени привели к замене родоплеменного принципа подразделения галльского населения территориальным.

Разделение населения по территориальному принципу, как отмечает В. И. Ленин, является одним из признаков государственности³⁶.

Действие римского частного права, налогового аппарата и насаждение в Галлии римского муниципального строя имели своим следствием упрепление в галльских общинах частной собственности и развитие рабовладельческих отношений. Одновременно с этим, результатом римского влияния было окончательное превращение родоплеменной общины в государственное подразделение внутри Империи в форме автономных аристократических общин, *цивитатес*.

Опорными пунктами римского владычества и романизации в таких *цивитатес* были города. Устроенные подобно римско-италийским муниципиям, они представляли собой не только экономические центры, но и политические резиденции местной рабовладельческой знати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. И. Ленин. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задаче пролетариата в революции.— Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 7.

² *Фюстель де Куланж*. История общественного строя древней Франции. Т. 1. Перевод И. М. Гревса. СПб., 1901, стр. 12—28.

³ Там же, стр. 13, 17, 18.

⁴ Вопрос об общественном строе в целом у древних кельтов накануне завоевания их Римом в самой общей форме отражен в работах: В. С. Сергеев. Очерки из истории древнего Рима. М., ОГИЗ, 1938, стр. 312; С. И. Соболевский. Введение в кн.: «Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами». Кн. 2. М., ИЛ., 1946, стр. 24—30; С. И. Ковалев. История Рима. ЛГУ, 1948, стр. 446; Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., Госполитиздат, 1950, стр. 329. Столь же общее отражение этого вопроса имеется в кн. чешского историка Яна Филипа «Кельтская цивилизация и ее наследие». Прага, изд. Чехословацкой Академии наук и Артия, 1961, стр. 91—95.

⁵ *C. Iulius Caesar*. T. I. *Bellum Gallicum*. Ed. Otto Seel, Lipsiae, 1961, VI, 13.

⁶ *Caes.*, B. g., VII, 32: "Divisum populum, divisum senatum, ...Quod si diutius alatur controversia, fore, ut pars cum parte civitatis confligat".

⁷ *Caes.*, B. g., III, 29; VI, 6, 43; VII, 14.

⁸ О частном землевладении у галлов накануне римского завоевания см.: Ян Филип. Указ. соч., стр. 108.

⁹ *C. Jullian*. *Histoire de la Gaule*. Ed. 2. Paris, t. V, p. 45. A. Grenier. *La Gaule romaine*. An economic Survey of ancient Rome, III. Baltimore, 1937, p. 486—493; 520—522.

¹⁰ *Revue archéologique*, IX, 1947, p. 94; O. Brogan. *Roman Gaul*. London, 1953, p. 141.

¹¹ У белловаков (VIII, 21), гельветов (I, 2, 18), сенонов (V, 54), суессиионов (II, 4), секванов (I, 3), эбурнов (VI, 31), нитиобрагов (VII, 31), у карнутов (V, 25) в качестве одного из галльских царей упоминается Цезарем аквитанец Писон (IV, 12) и др.

¹² *Фюстель де Куланж*. Указ. соч., стр. 66—70.

¹³ Там же, стр. 77.

¹⁴ Страбон. География. Перев. Г. А. Стратановского. М., «Наука», 1964, кн. IV, 3. Ср. Гомер. Илиада. Перев. Гнедича. II, 198—201, 265:

«Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,

Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:

«Смолкни, несчастный, воссядь и другие советы послушай,

Боле почтенных, чем ты!»,

«Рек, и скиптром его по хребту и плечам он ударил».

¹⁵ *Caes.*, B. g., I, 31; II, 28; III, 16; V, 54; VII, 33 и т. д.

¹⁶ *Caes.*, B. g., I, 31; IV, 6; V, 39; VII, 75 и др.

¹⁷ Так, например, на одном из таких собраний вооруженных галлов Верцингеториг выступает за создание общегалльского союза племен (VII, 29). На другом общегалль-

ском собрании Верцингеториг излагает план войны против Цезаря (VII, 14). На этом же собрании обсуждался вопрос об Аварики, сжечь его или защищать (VII, 15).¹⁸ Общегалльское собрание в Бибракте единогласно признало Верцингеторита верховным военачальником (VII, 63). На одном из собраний речь шла о тайном антиримском союзе галлов (III, 10).

¹⁸ Об общегалльских собраниях знати см. Caes., I, 30; VII, 75: *conicilio principum* и др.

¹⁹ Caes., B. g., VI, 13; Страбон, V, 4, 4.

²⁰ *Corpus inscriptionum latinarum* (CIL), XII, *Inscriptiones Galliae Narbonensis latinae*. Ed. O. Hirschfeld, Berolini, 1888, n. 1376.

²¹ CIL, XII, 2611.

²² CIL, XIII. *Inscriptiones Trium Galliarum et Germaniarum latinae*. Ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister, O. Bohn, Berolini, 1899—1907, n. 2949.

²³ "Gallia", 19, 2, 1961, p. 413. О наследственном дуумвирате у лемовиков см. CIL, XIII, 1391; ILTG, n. 174.

²⁴ Так, например, Цезарь, вызвав однажды к себе в ставку весь сенат эдуев, потребовал от него прислать к нему всю конницу и 10 тысяч человек пехоты (VII, 33, 34). С такими требованиями к знати обращался Цезарь не раз и на созванных им межплеменных собраниях кельтской знати (VI, 4 и др.). На одном из них галльская знать униженно просит разрешения у Цезаря на созыв в намеченный ими срок общегалльского собрания (I, 30).

²⁵ Caes., B. g., I, 16; VI, 20; VII, 32, 55.

²⁶ Caes., B. g., I, 16; VII, 32.

²⁷ Вергобретов встречают еще при Августе и Тиберии у сантонов и лексовиев (CIL, XII, 366; XIII, 1048).

²⁸ Подробнее см. Н. Н. Белова. Городской строй в римской Галлии в первые века н. э.—В сб.: Античная древность и средние века. Вып. I. Свердловск, УрГУ, 1960, стр. 53—54.

²⁹ Цезарь свидетельствует о частных лицах, которые располагали большими возможностями в общинах, чем должностные лица: "...privatim plus possunt, quam ipsi magistratus" (I, 17).

Вергобрет эдуев Лиск выражал опасение, что он подвергает себя большой опасности, жалуясь Цезарю на одного из влиятельнейших людей общины, Думнорига (там же).

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 9.

³¹ Фюстель де Куланж. Указ соч., стр. 19; Н. Н. Белова. Указ. соч., стр. 51, примеч. 60.

³² Н. Н. Белова. Указ. соч., стр. 52—53.

³³ A. Piganiol (Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. XVI-e supplément à "Gallia", P. 1962, p. 85), например, полагает, что институт *triumviri locorum publicorum persequendorum* встречается в Нарбонской Галлии только со времени флавиев.

³⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 9.

³⁵ Там же, стр. 12.

³⁶ Там же, стр. 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А	— В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. — НЭ. IV. М., 1963.
АДСВ	— Античная древность и средние века
АИБ	— Археология и история Боспора
АИСК	— Археологические исследования средневекового Крыма
Афон	— F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. 115 Urkunden und Urkundensiegel aus 10 Jahrhunderten. München, 1948
Бонпер	— J. Bompaire. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964.
ВВ	— Византийский временник
ВГПИ	— Великолукский государственный педагогический институт.
ВДИ	— Вестник древней истории
Гийу	— A. Guillou. Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée. P., 1955